

Русское словосочетание «причастие + существительное» как
межъязыковой коррелят белорусских синтаксических конструкций (на
материале перевода белорусскоязычных текстов)

Выбор русских словосочетаний «причастие + существительное» в качестве межъязыковых коррелятов белорусских синтаксических конструкций находится в прямой зависимости от функциональной нагрузки данных языковых единиц в белорусском художественном тексте. Русское словосочетание «причастие + существительное» представляет собой причастную пропозицию, способную замещать различные белорусские непредикативные конструкции. В нашем материале исследуемые словосочетания с различной степенью частотности появляются на месте следующих белорусских единиц: 1) **словосочетаний** – «причастие + существительное», «прилагательное + существительное», «существительное + существительное», «синтаксически несвободное словосочетание + существительное»; 2) **предикативных частей сложных предложений**, 3) **деепричастных оборотов**; 4) **различных частей речи и форм слов** – причастий, имен прилагательных, имен существительных, деепричастий.

Довольно часто русские словосочетания «причастие + существительное» выступают как переводческие эквиваленты белорусских словосочетаний «причастие + существительное». Напр.: Бел.: *Неўзабаве пасля гэтага ен прывеў мне сваю непараўнальную Каштанку з яе трывогай, што гаспадар можа знайсці і з'есці схаваную за шафай курыную ланку* (Я.Брыль. «Мой Чэхаў»). – Рус.: *Вскоре после этого он привел мне свою неподражаемую Каштанку, с ее тревогой, что хозяин может найти и съесть **спрятанную** за шкафом куриную **ланку*** (пер. Н.Кислика). Сравнивая белорусскоязычные тексты и их переводы на русский язык, мы установили, что зависимые компоненты русских и белорусских словосочетаний почти всегда имеют одинаковое грамматическое и семантическое содержание. Самую большую группу данных словосочетаний в нашем материале представляют подчинительные конструкции со страдательными причастиями прошедшего времени. Напр.: бел. *выкінутыя вішні* – рус. *выброшенные вишни*, бел. *акутая павозка* – рус. *окованная повозка*; бел. *прыпудраныя валасы* – рус. *припудренные волосы*; бел. *узняты пыл* – рус. *поднятая пыль*; бел. *спуджаныя жаўранкі* – рус. *испуганные жаворонки*; бел. *растрывожаны рой* – рус. *растревоженный рой*. Иногда при переводе белорусских словосочетаний со страдательными причастиями прошедшего времени происходит лексико-семантическая замена белорусского причастия на русскую непредикативную форму с противоположной залоговой и временной характеристикой. Напр.: Бел.: *Адзін пасмоктаў спаленую люлечку* (У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Один посасывал **дымящуюся трубку*** (пер. В.Тараса).

В белорусском художественном тексте причастные конструкции используются реже, чем в русском. Возможно, поэтому при выборе языковых средств, коррелирующих с предикативными формами белорусских глаголов, переводчики отдают предпочтение русским словосочетаниям «причастие + существительное». Их способность адекватно замещать белорусские синонимичные конструкции является результатом реализации возможностей межъязыковой синонимии, типичной для этих близкородственных языков. Напр.: Бел.: *Яна казыча Анатолеву пятку, **што высунулася** з-пад дзяругі, і смеючыся, кажа...* (Я.Брыль. «Зяленая школа»). – Рус.: *Она щечкочет **высунувшуюся** из-под дерюги **пятку** и, смеясь, говорит...* (пер.

А.Островского). При таком переводе чаще всего видо-временные характеристики белорусского глагола и русского причастия сохраняются. Таким образом, одно и то же значение выражается в белорусском языке придаточной определительной частью сложноподчиненного предложения, а в русском – словосочетанием «причастие + существительное». Кроме того, меняется структура синтаксической единицы: белорусская полипредикативная конструкция трансформируется в русское предложение переходного типа между простым и сложным предложением.

В отношении межъязыковой эквивалентности с русским словосочетанием «причастие + существительное» может вступать и предикативный центр белорусского простого предложения с составным неглагольным сказуемым, выраженным кратким страдательным причастием прошедшего времени, которое (в отличие от причастий других групп) функционирует в белорусском языке без особых ограничений. Напр.: Бел.: *Мокрыя светлыя выласы пад стракатай хусцінкай; ватоўка расціплена на сінняй, у белы буйны гарошак сукенцы; моцныя, стройныя ногі ў бліскучых, толькі што з вады, гумаваых ботах* (Я.Брыль. «Пад гоман вогнішча»). – Рус.: *Мокрые светлые волосы под пестрой косынкой; растянутый ватник на синем, в крупный белый горошек платье; крепкие стройные ноги в блестящих, только что из воды, ботах* (пер. А.Островского). Подобный перевод следует признать удачным, так как в русском варианте достигается параллелизм синтаксической конструкции: бессоюзное сложное предложение состоит из трех предикативных частей, каждая из которых – эллиптическое предложение. В оригинальном же тексте вторая предикативная часть, в отличие от первой и третьей (эллиптических предложений), -- двусоставное полное предложение.

Доминирующее положение среди межъязыковых эквивалентов русских словосочетаний «причастие + существительное» в рассмотренном нами материале занимают белорусские словосочетания «прилагательное + существительное». Синонимичная замена белорусских прилагательных-определений на русские причастия-определения традиционна и оправданна. Чаще всего белорусские имена прилагательные переводятся однокоренными русскими причастиями, что придает тексту перевода динамизм. Семантика подобных переводных единиц остается практически прежней. Напр.: бел. *заходняе сонца* – рус. *заходящее солнце*; бел. *звонкі яр* – рус. *звенящий овраг*; бел. *умольныя вочы* – рус. *умоляющие глаза*; бел. *астатняя сажка* – рус. *оставшаяся сажка*.

Среди переводческих соответствий «бел.: существительное + прилагательное → рус.: существительное + причастие» интерес представляют и лексико-семантические замены, при которых лексическое значение исходных единиц не совпадает с семантикой переводческих параллелей, но может быть выведено из них с помощью лексических преобразований определенного типа. В нашем материале наиболее часто встречаются три типа подобных лексико-семантических замен. 1. У белорусского прилагательного нет однокоренного русского эквивалента, и оно переводится семантически близким причастием. Напр.: Бел.: *Жоўцю мужыцкай, злосцю мужыцкай дышаеш ты, здранцвелы абшар палёў* (У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Желчью мужичьей дышишь ты, онемевший простор полей* (пер. В. Щедриной). 2. Белорусское прилагательное употреблено в словосочетании в ярком метафорическом значении, и переводчик, стараясь сохранить образность адекватной конструкции оригинала, подбирает зачастую совершенно неожиданный причастный эквивалент. Напр.: Бел.: *Ганулька цяпер ужо навек супакоілася і ніколі не пагрэецца, лежачы ў чужой мёрзлай зямлі, акрай сумных могілак* (В.Быкаў. «Аблава»). – Рус.: *Гануля не имела минуты обогреться в мерзлой земле, на краю заболоченного кладбища* (пер. В.Тараса). 3. Белорусское прилагательное со значением «склонности к определенному

действию”образовано от глагола, и поэтому появление в тексте перевода причастной формы способствует сохранению семантики динамики, присущей словосочетанию из оригинального текста. Напр.: Бел.: *Кастусь вырывў з вады крыгу, і ў струменях пльўкага срэбра яны ўбачылі яшчэ аднако нерухомага шчупака і зарагаталі...*(У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Кастусь вырвал из воды бредень, и в струях льющегося серебра они увидели еще одну неподвижную щуку и захохотали...* (пер. В.Щедриной).

Анализируя межъязыковые корреляты русских словосочетаний «причастие + существительное», мы установили, что наряду с регулярными типами лексико-семантических замен белорусских словосочетаний «прилагательное + существительное» русскими непредикативными формами встречаются и окказиональные переводческие соответствия. Напр.: Бел.: *Безліч маленькіх, сардэчных званочкаў...*(Я.Брыль. «Пад гоман вогнішча»). – Рус.: *Несмотря на множество маленьких, звенящих колокольцев...*(пер. А.Островского). Появление на месте белорусского словосочетания *сардэчныя званочки* русского коррелята *звенящие колокольцы* связано, на наш взгляд, с семантикой белорусской леммы *званочак*, в которой выражается не только собственно название цветка, но и содержится дополнительный семантический оттенок «званиць». Сохранение семантики белорусского словосочетания в русском переводе в данном случае можно назвать переводческой находкой – исключительным способом передачи единицы оригинала переводчиком-мастером, как бы вскрывающим глубинные пласты художественного текста.

Иногда появление русской причастной конструкции на месте белорусской адъективной связано с особенностями функционирования, степенью употребительности и стилистической окрашенностью некоторых моделей словосочетаний русского и белорусского языков. Напр.: Бел.: *Упершыню ў жыцці яна бачыла бацькаў гнеў* (В.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Впервые в жизни она видела разгневанного отца* (пер. В.Щедриной). В белорусском языке модель словосочетания «притяжательное прилагательное + существительное» является типичным средством выражения принадлежности. В русском же языке словосочетания с притяжательными прилагательными встречаются реже и имеют разговорный характер, поэтому перевод белорусского словосочетания «*бацькаў гнеў*» русским «*разгневанный отец*» следует признать стилистически оправданным, несмотря на то что при такой передаче исходной конструкции происходит семантическое перераспределение главного и зависимого компонентов словосочетаний.

Интересны, на наш взгляд, случаи синтаксического развертывания белорусских словосочетаний, когда белорусское согласованное определение, выраженное именем прилагательным, переводится русским словосочетанием «причастие + наречие», за счет чего происходит структурное расширение зависимого компонента словосочетания. Напр.: Бел.: *Калі яны, гады, -- шэсць чалавек на службовым кацеры з цынічнай тут назвай “Прагрэс”,-- параўналіся з намі, мы пачалі гутарку* (Я.Брыль. «Пад гоман вогнішча»). – Рус.: *Когда они, гады – шесть человек на служебном катере с цинично звучащим при этом случае названием «Прогресс», -- поравнялись с нами, мы начали разговор* (пер. А.Островского).

Иногда русское словосочетание «причастие + существительное» появляется как результат синтаксической компрессии. Напр.: 1. Бел.: *...ўсё ў ім імкнулася наперад, туды, дзе на ўзлеску павінна было паказацца поле і ягоная асірацелая без гаспадара сядзіба* (В.Быкаў. «Аблава»). – Рус.: *Вот-вот должна была показаться опушка, с которой он увидит поле и свою осиротевшую усадьбу* (пер. В.Тараса). 2. Бел.: *Бо плечы пад ушчэнт зношанай кашуляй яшчэ падрыгвалі ад холаду...*(Я.Брыль. «Крыў

на сцяне»). – Рус.: *Потому что плечи под прохуdivшейся сорочкой еще подрагивали от холода...*(пер. А.Островского). Семантическое стяжение белорусской адъективной (1) и причастной конструкций нельзя охарактеризовать как случайные. Отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значение которых нерелевантно или легко восстанавливается в контексте, -- вот, на наш взгляд, предпосылка подобного перевода. Кроме того, необходимость актуализаторов в данном случае отпадает в силу того, что «в языковой системе причастия выполняют роль конденсаторов семантической и грамматической информации, для выражения которой параллельно могут быть использованы различные языковые средства...»[1, 118].

Русские словосочетания «причастие + существительное» появляются и в качестве коммуникативных аналогов белорусских словосочетаний «существительное + существительное» с атрибутивными семантико-синтаксическими отношениями между компонентами. Напр.: Бел.: *Кастусь сядзеў ля сцяны, на лавачцы. Сядзеў. Палажыўшы падбародзе на сугіб рукі...*(У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Кастусь сидел у стены на лавочке, опершись подбородком на согнутую руку...*(пер. В.Щедринной). Чаще всего межъязыковым коррелятом русского причастия выступает белорусское однокоренное отглагольное имя существительное. При таком переводе белорусское несвободное синтаксически словосочетание с субъектными отношениями трансформируется в русское свободное словосочетание с атрибутивными отношениями. Кроме того, в нашем примере, парцелированная белорусская конструкция трансформируется в русское простое предложение, осложненное полупредикативным оборотом.

Иногда русское словосочетание «причастие + существительное» выступает в качестве межъязыкового эквивалента белорусского обстоятельства образа действия, выраженного деепричастным оборотом. Напр.: Бел.: *І раптам ягоны позірк застыў у недаўменні: насупраць яго за тынам шарэў нейчя ўважлівы жаночы твар, скіраваўшы на яго здзіўлены позірк цёмных вачэй* (В.Быкаў. «Аблава»). – Рус.: *И вдруг его взгляд в недоумении застыл на неподвижном женском лице за тыном, устремленные на него глаза тоже округлились в немом удивленном испуге* (пер. В.Тараса). В приведенном примере белорусское бессоюзное сложное предложение с пояснительными отношениями, вторая предикативная часть которого осложнена обособленным обстоятельством, трансформируется в русское бессоюзное сложное предложение, части которого являются неосложненными монопредикативными синтаксическими единицами. Кроме того, появление русской причастной конструкции в переводе влечет за собой изменение порядка слов.

Исследуя белорусские художественные тексты и их переводы на русский язык, мы установили, что в отношениях межъязыковой эквивалентности с русским сравнительным оборотом, может находиться одиночное белорусское деепричастие, вносящее добавочную предикативность в осложненное простое предложение. В нашем примере ядром такого русского оборота является словосочетание «причастие + существительное». Напр.: Бел.: *І хоць нікога навокал няма, хоць ніхто не ідзе, не стаіць на маёй дарожцы, я націскаю на лапку бліскачага званка, і ён, як жаваранак, прагнуўшыся, сярэбрана цвірынькае ў спакойным, каласістым жыце* (Я.Брыль. «Пад гоман вогнішча»). – Рус.: *И хотя вокруг никого нет, хотя никто не идет, не стоит у меня на пути, я нажимаю на лапку блестящего звоночка. И он, как проснувшийся жаворонок, серебряно цвиринькает в спокойной колосистой ржи* (пер. А.Островского). Подобный перевод несколько упрощает синтаксическую структуру предложения, сохраняя семантическую эквивалентность.

Безусловно, ожидаемым и оправданным, на наш взгляд, является появление русского словосочетания «причастие + существительное» как коррелята белорусского

сложного прилагательного *касазвонны* образованного сложно-суффиксальным способом от основ существительного *каса* и глагола *званиць*. При подобном переводе происходит членение производной лексической единицы на значимые части, основанное на анализе ее словообразовательной структуры и смысловой значимости внутренней формы слова. Напр.: Бел.: *Прыйшоў пчаліны, касазвонны месяц цвету ліп* (У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Пришел пчелиный, звенящий косами месяц цветущих лип* (пер.В.Щедриной).

Нередко при переводе с белорусского на русский язык происходит синтаксическое развертывание белорусских имен существительных в русские причастные конструкции. Напр.: Бел.: *У салдацкім Андрэевым кацялку, адзін на прасторы, то ныраў, то ўсплываў у кіпені, разам з кавалкамі бульбы, бяльмасты акунёк* (Я.Брыль. «Пад гоман вогнішча»). – Рус.: *В солдатском Андреевом котелке, один на просторе, то нырял, то всплывал в бурлящей воде, вместе с картошкой, бельмастый окуnek* (пер. А.Островского). Используя в данном случае дополнительные лексические единицы, переводчик стремится наиболее полно отразить заключенную в оригинале информацию, придать естественность и своеобразие языку перевода.

Довольно часто русские причастия в тексте перевода не имеют эквивалентов в белорусском оригинале, появляясь на месте своеобразных коммуникативных пустот. В одних случаях причастие выступает в переводе как зависимый компонент синтаксически несвободного словосочетания «причастие + существительное», выполняющего функцию обстоятельства образа действия при сказуемом, причем коммуникативная организация высказывания в целом не подвергается каким-либо изменениям. Напр.: Бел.: *Яна прытулілася шчочкай да яго няголенай шчакі і з надзеяй спыталася...* (Я.Брыль. «Зялёная школа»). – Рус.: *Она прижалась щечкой к его небритой щеке и с ожившей надеждой спросила...* (пер.А.Островского). В других случаях появление русского причастия в переводе сопровождается изменением синтаксической структуры предложения: вторая предикативная часть белорусского сложносочиненного предложения, представляющая собой предложение переходного типа между простым и сложным предложением и содержащая два разнооформленных сказуемых, трансформируется в простое неосложненное предложение, что, безусловно, отражается и на коммуникативной структуре высказывания. Напр.: Бел.: *Цела памалу грэлася, а ногі па-ранейшаму як былі акалелыя, так і засталіся, але ногі, напэўна, сагрэюцца на хадзе* (В Быкаў. «Аблава»). – Рус.: *Тело помаленьку согревалось, а затекшие ноги по-прежнему стыли, впрочем, ноги согреются при ходьбе* (пер.В.Тараса).

Как показали наши наблюдения, при синтаксическом развертывании белорусской конструкции в тексте перевода, чаще всего в качестве лексем-уточнителей переводчики используют различные наречия. В результате вместо белорусских адъективных форм в русскоязычном тексте появляются сложные словосочетания «наречие + (причастие + существительное)», построенные по модели *слово + словосочетание*. Следует отметить, что в зависимости от лексико-грамматического разряда наречие может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к причастной лексеме. Напр.: 1. Бел.: *Ні сяброў, ні проста прыязных людзей, якія маглі б папарэдзіць* (У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *Ни друзей, ни просто дружественно относящихся хлопцев, которые могли б предупредить друзей* (пер. В.Щедриной). 2. Бел.: *І ад раптоўнай любові да іх, замілавання і вялікага жалю ў яго нешта дрыжала ў горле* (У.Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). – Рус.: *И от возникшей вдруг любви к ним, умиления и великой жалости у него задрожало внутри* (пер.В.Щедриной).

Таким образом, русские словосочетания «причастие + существительное» представляют собой достаточно распространенный переводческий эквивалент самых разнообразных белорусских конструкций и грамматических единиц. Сопоставительный анализ белорусских оригинальных текстов и их переводов на русский язык позволил не только вскрыть сходства и отличия в способах выражения синтаксических конструкций в данных языках, но и выявить способы преодоления межъязыковых расхождений в целях достижения адекватного перевода. В своем исследовании мы установили соотношение отдельных элементов двух языковых систем, выявили стандартные типы эквивалентных белорусских функционально-смысловых структур, способных коррелировать с русскими словосочетаниями «причастие + существительное».

1. Вольнец Т.Н. Грамматический феномен причастия. – Мн., Белгосуниверситет, 1998. – С.118.

Опубликовано: Материалы Международной научной конференции "Русский язык: система и функционирование" - Мн.: БГУ, 2002. -Часть 2. - 276 с., С. 134-138.